

Унижение беззаконием

Соб. Рощица - 1994 - 17 мая - с. 2

На Таганке снова беда. Два года борьбы актеров за право на труд и жилищные постановления правительства Москвы от 28 апреля перечеркнуты, а с ними перечеркнуты и все судебные решения (а их было 13, последнее Высшего арбитражного суда РФ), закрепляющие статус-кво, утвердившийся на Таганке два года назад, когда после распада вновь образованный театр **Содружество актеров Таганки** во главе с Н. Губенко получил новую сцену. Их всего в таганском театральном комплексе три. За Московским театром на Таганке во главе с Ю. Любимовым закреплялись две старые сцены. Эти судебные решения проигнорированы правительством Москвы, в результате чего театру Содружество актеров Таганки негде работать. Согласно воле Ю. М. Лужкова по этому постановлению они должны быть изгнаны из стен, в которых проработали всю свою творческую жизнь.

На словах это делается для того, чтобы передать весь комплекс зданий Любимову. Но Любимов уже не является художественным руководителем Московского театра на Таганке. Он работает в опере города Брно...

Известно о планах создания вместо театра на Таганке некоего Международного экспериментального центра, в силу чего комплекс зданий Таганки может перейти в руки людей, весьма далеких от подлинного искусства. С этой удручающей информацией обратились актеры театра во главе с Н. Губенко в письме к В. Н. Ельцину. «Мы просим Вас, президента страны,— пишут они,— защитить театр от беззакония, больше нет сил тратить время своей жизни на унижающую творчество и человеческое достоинство борьбу...» Письмо зачитал Губенко журналистам на пресс-конференции, так как боится, что без вмешательства прессы это письмо вообще не дойдет до адресата.

Итак, Губенко взывает о помощи, обращаясь в основном к людям, вовсе не разделяющим ни его убеждений, ни боли. Обращается с аргументами, давным-давно уже вовсе не значимыми в этой среде, на которую он рассчитывает. «Мы хотим, любим и умеем работать. Мы поставили спектакль «Чайка», тем самым обрета новую стилистику синтеза кино и театра. Мы просим обеспечить интерес людей, ведь они уже дали 60 спектаклей, на которые пришли 42 тысячи зрителей! У нас большие планы — это Салтыков-Щедрин, это Достоевский с прекрасным артистом В. М. Зельдиным, который дал согласие с нами работать, это спектакль по Шостаковичу, это,

законодательная достояние С. Соловьева по Окуджаве «Путешествие дилетантов», это еще и постановка прекрасного режиссера Поглазова «Врагов» Горького, который сделал, на мой взгляд, лучший спектакль в этом сезоне в Щукинском училище «Фальшивая монета»...

Я смотрела на этого так хорошо всем нам известного талантливого актера, вознесшего в былые времена на Олимп чиновничьего величия — министр культуры СССР, а теперь издерганного, растерянного, хватающегося за соломинку, оскорбленного унижительной склокой, и вспоминала последнюю премьеру во МХАТе имени Горького — «Лес» А. Н. Островского, главным парфосом которой стало чудовищное унижение таланта в нынешней России. Спектакль поставила Т. Доронина, первой в нашем «мире искусств» угадывая, что раздел МХАТа шесть лет назад — репетиция распада СССР.

Теперь она первой обратилась к зрителю, чтобы расказать, как трагично нынче складывается судьба русского талантливого актера. Как подтверждение этому — пример Н. Губенко: «Я не получаю зарплату в театре... Иногда пускаю машину в разгон и гастролирую в основном в Лябятинге, Нижневартовске, Тюмени, Сургуте с тем, чтобы заработать себе на прожиточный минимум».

Жизни, общественное поведение творческой интеллигенции в эти последние трагические годы нравственной разрухи — особая страница. Элита, заявившая в советском искусстве планку нравственного отсчета, нанесла в эти годы тяжелые душевные рань людям, которые верили в своих любимых актеров, как в лучших людей, и отдал от утверждаемых ранее ими в советском искусстве принципов многие восприняли как личную драму. Понимают ли это бывшие кумиры?

Судя по тому, как пробивается к справедливому решению проблем своего театра Н. Губенко, — нет! «Почему,— задается он вопросом,— господин Лужков не подчинится законному решению арбитражного суда? Почему он считает, что можно действовать, как в казарме, в приказном порядке и поручить «Москмиму» все упреждать, перечеркнуть и выбросить людей на улицу?»

Дорогой Николай Николаевич Губенко! Вы что же, искренне рассчитываете на понимание? Простите, а вы 3—4 октября 1993 года, где были? На планете Земля в эти дни распространили Закон в России, ее достоинство. Разве это не ваше достоин-

ство? В свое время, а точнее в 1919 году, талантливейший русский мыслитель М. М. Бахтин выступил с докладом «Искусство и ответственность», в котором красной нитью проходит мысль: «Три области человеческой культуры,— наука, искусство и жизнь — обретают единство только в личности, которая приобретает их к своему единству. Но связь эта может стать механической, внешней. Увы, чаще всего это так и бывает... Что же гарантирует внутреннюю связь элементов личности? Только единство ответственности. За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней. Но с ответственностью связаны и вина. Не только поешти взаимную ответственность должны жизнь и искусство, но и вину друг за друга. Поэт должен помнить, что в плохой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виноваты его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов... И нечего для оправдания безответственности ссылаться на «вдохновение». Вдохновение, которое игнорирует жизнь и само игнорируется жизнью, не вдохновляет, а одержание»...

Конечно, на нынешнем витке конфликта на Таганке, как сказал сам Губенко, — «уровень коммуналки» — не до высоких философских прозрений, но все же главное надо было понять: «Гений и злодейство не совместны». Любимов потому и оказался в этом конфликте Любимовым, что по природе своей он разрушитель. «Мы хотим, чтобы москвичи спокойно жили и вспоминали такие аргументы в национальной истории, как Чехов, Толстой, Достоевский, Бунин...» — пишут актеры в письме к В. Н. Ельцину...

Ф. М. Достоевский, пережив в своей жизни лишь инсценировку казни, навсегда стал непримиримым к унижению любого человека. А. П. Чехов жизнь положил на то, чтобы люди поняли — пошлость погубит искусство, достоинство, жизнь. А разве письмо Н. Н. Губенко не пошлость? Хотя есть, конечно, в нем резон. Ведь сказал же Губенко: «Мы не хотим быть Лужкову помощниками в его президентской кампании!» Лужков, ведь ее, уверен, что это завестное кресло он завоюет. И тогда он В. Н. Ельцину — не товарищу. Вчера в интервью Киселеву в «Итогах» Бурбулис признался, что Ельцин ищет новую социальную базу. Не этой ли базой рассчитывает этой ли базой рассчитывает себя известный советский актер?..

Галина ОРЕХАНОВА.